

— Ха-ха, ваша милость спасла мне жизнь, Янь крайне признателен!

Янь Тешань поднялся на ноги. Он громко рассмеялся, словно открытый и прямой человек, однако голос его резал слух своей пронзительной резкостью.

Данчи же, казалось, вовсе не слышал его: он всё так же неспешно шагал вперёд.

Янь Тешань, продолжая хохотать, взял со стола шкатулку и открыл её. Внутри лежал сияющий ночной жемчужины размером с кулак.

— Это жемчужина Южного моря, редчайшее сокровище, — с гордым видом произнёс он и тут же толкнул шкатулку вперёд.

Жемчужина, покоившаяся в парчовой шкатулке, излучала мягкое зеленоватое свечение и выглядела поистине великолепно.

Глядя на Данчи, он проговорил:

— Это сокровище я хранил много лет. Никакие горы обычного жемчуга не идут с ним в сравнение — против него они не ярче светлячков.

Данчи бросил на ларец равнодушный взгляд и вдруг легко усмехнулся.

— Выходит, ты всё-таки намерен отказаться от уплаты долга.

Он посмотрел на Янь Тешаня и добавил:

— Похоже, тебе действительно не нужна твоя вторая половина жизни.

Лицо Янь Тешаня мгновенно переменялось, исказившись злобной свирепостью. От прежней показной приветливости не осталось и следа, и он рявкнул:

— Я понятия не имею, кто вас подослал, но сметь зариться на моё имущество — это верх безрассудства, чистейшее самоубийство!

Данчи со странной улыбкой — полуулыбкой-полунасмешкой — смотрел на него. Уголки его губ даже не дрогнули, а чужая перемена настроения не произвела на него никакого впечатления.

Но свирепость на лице Янь Тешаня постепенно начала застывать.

— Янь Тешань утверждал, что некто позарился на его сокровища и умышленно подстроил ловушку, чтобы сгубить его. Этот человек — вы?

В этот момент стоявший рядом с ним мужчина внезапно подал голос.

Данчи бросил на него беглый взгляд и спросил:

— Ты кто?

— Дугу Ихе, — ответил тот.

— Дугу Ихе? — Данчи тихо повторил имя, качнул головой и усмехнулся: — А что, знаменитый?

Затем он снова перевёл взгляд на Янь Тешаня:

— Похоже, ты не только держишь слово, но и обожаешь выворачивать всё наизнанку, чернея белое.

— Значит, ты наплел своему спутнику, что сначала мы тебя тяжело ранили, а потом воспользовались твоим беспомощным состоянием и стали шантажировать твоей жизнью? Или даже пошел дальше, заявив, что мы с самого начала были в сговоре с тем негодяем, что вас подставил?

Когда весь его замысел был раскрыт до конца, лицо Янь Тешаня исказилось от злобы. Он завизжал:

— Думаешь, я и вправду отдал бы тебе сокровища?! Ты просто воспользовался моим бедственным положением!

Он действительно не стал ничего объяснять Лу Сяофэну и остальным. Когда его спрашивали, кто нанёс ему раны, он продолжал обвинять Лу Сяофэна, а Дугу Ихе и вовсе заявил, что Лу Сяофэн и Хо Сю действуют заодно, а Данчи — всего лишь мошенник, примкнувший к ним ради дележа его богатств.

Выражение лица Данчи по-прежнему оставалось насмешливым. Непонятно к чему клоня, он произнёс:

— Кажется, ты и вправду решил распрощаться со своей второй половиной жизни.

Лицо Янь Тешаня сделалось ещё более мрачным.

— Не пытайся меня запугать! Я уже приглашал знающих людей, и моя рана больше не представляет опасности. Даже если мне потребуется курс лечения, я смогу нанять хоть сотню лучших врачей на свете, и ни один из них не потребует в уплату всего моего состояния.

В глазах Данчи мелькнула тень насмешки.

— Я говорил вовсе не о твоей ране.

Его голос звучал необычайно тихо. Опустив взгляд на ночной жемчужины в шкатулке, он внезапно произнёс:

— Ты и вправду думаешь, что твоя жизнь стоит этого.

Подавляя нарастающее в груди беспокойство, Янь Тешань сквозь зубы процедил:

— Если у тебя есть хоть капля благоразумия, бери вещь и убирайся!

— Ты всего лишь дал мне Пилюлю Защиты Сердца, а за неё можно купить добрый десяток таких жемчужин.

Данчи в упор смотрел на него, а затем уголки его губ приподнялись, и он тихо произронил:

— Чудно́.

С этими словами он легко взмахнул рукой над шкатулкой, и в воздухе на миг мелькнула зелёная вспышка.

Когда все снова посмотрели туда, парчовая шкатулка оказалась совершенно пустой, а Янь Тешань вдруг бесшумно рухнул на землю.

Он лежал навзничь, и на его лице еще застыло выражение полной растерянности, но тело уже никогда не шевельнулось бы.

В центре его груди зияла дыра — прямо на месте старой раны, едва не стоившей ему жизни, с ювелирной точностью застряла та самая ночная жемчужина размером с кулак. Бледно-зелёное сияние смешалось с жутковатой багровиной, мерцая прямо в разорванной плоти.

— Я же говорил: ты исцелил себя лишь наполовину, — глядя на труп, с легкой насмешкой произнёс Данчи. — И речь шла вовсе не о твоём ранении.

Долг еще не закрыт, а ты вообразил, будто твоя жизнь теперь принадлежит тебе.

К тому же, он отродясь не слыхал, чтобы его собственные пилюли ценились так дешево!

Пилюля Защиты Сердца... Тц!

Дугу Ихе смотрел, как Янь Тешань падает замертво перед ним, и лишь спустя долгие мгновения оцепенения пришел в себя. В его груди вскипела ярость.

— Дерзко! Да ты... — взревел он, гневно выкатив глаза.

Сперва он кое в чем сомневался насчет слов Янь Тешаня, но старая дружба всё же перевесила, заставив прийти на помощь.

Однако он и помыслить не мог, что правда потеряет всякое значение так быстро!

Человека, которого он пришел защищать, убили прямо у него на глазах — для него это было тягчайшим оскорблением!

Теперь уже не имело никакого значения, что именно было правдой в словах Янь Тешаня. Всё, чего он теперь желал — отомстить за него.

Тем временем Данчи поправил полы одежды и перевел взгляд на него.

Ярость Дугу Ихе внезапно захлебнулась. Его обдало волной ледящего холода, словно с головы до ног окатили ушатом ледяной воды.

За свою долгую жизнь он повидал немало людей. Взгляды одних были свирепы, в глазах других плескалась жестокость, но еще ни разу ему не доводилось встречать взгляд, способный внушить такой первобытный ужас. Мгновенный мороз по коже заставил каждый волосок на его теле встать дыбом.

Стоявший перед ним юноша выглядел мягко, на его губах даже играла легкая улыбка.

Но стоило заглянуть ему в глаза, как становилось ясно: в этой бездне нет абсолютно ничего. Ни тени веселья, ни следа гнева — лишь бесконечная, звенящая пустота. И от этой отрешенности не веяло ни малейшим уютом, напротив, она рождала какое-то необъяснимое, жуткое предчувствие.

Это было хладнокровие человека, для которого не существует ничего на свете, — взгляд того, кто стоит выше всего мирского.

Словно гладь горного озера: безмолвная и неподвижная, на которой не дрогнет ни единой ряби

от самого сильного ветра.

Он только что лишил человека жизни так небрежно, будто раздавил букашку.

И сейчас он смотрел на него с точно такой же легкостью — как на ничтожное насекомое, пробуждая в душе одновременно жгучую злость и животный страх.

Данчи посмотрел на него ровным, спокойным голосом:

— Раз уж он сам оценил свою жизнь в эту цену, я купил её за ту же жемчужину. Можешь потом похоронить этот камешек вместе с ним, назад я его не заберу.

Услышав это, Дугу Ихе в бешенстве задохнулся. Грудь его тяжело вздымалась, заглушая внутреннюю тревогу, и он рявкнул:

— Самонадеянно!

Данчи вновь легко усмехнулся:

— Решил бросить мне вызов? А ты подумал, какую цену за это заплатишь!

Вспыхнув от ярости, Дугу Ихе окончательно отбросил страх. Собрав ци и усмирив растревоженный дух, он вскинул меч и рубанул наотмашь.

Атака была стремительной, сокрушительной — способной раскалывать камни и сокрушать горы. В мгновение ока острое оказалось перед лицом Данчи.

Но Данчи даже не шелохнулся. Лишь когда клинок был уже совсем близко, он небрежно поднял руку.

Раздался звонкий металлический лязг.

Смертоносное лезвие замерло в дюйме от цели, не в силах продвинуться ни на миг.

Широкий рукав соскользнул вниз, обнажая заткнутую за пояс белоснежную аптечную мотыгу.

Размером с человеческое предплечье, она выглядела монолитной, выточенной из цельного куска безупречно белого нефрита, словно изысканное произведение искусства.

В глазах Дугу Ихе мелькнуло изумление. Боковым зрением он молниеносно скользнул к поясу

противника: вещь, висевшая там мгновение назад, исчезла, но он даже не заметил, когда именно этот парень успел подобрать её.

Заминка длилась лишь миг. Влив всю силу в руку, Дугу Ихе резко сменил приём. Кончик меча вибрировал, дикая мощь в одночасье испарилась, сменившись невероятной гибкостью. Удар стал неуловимым, словно рога антилопы, зацепившейся за ветку — траекторию невозможно было прочесть.

Метнув острие к горлу, он в последнее мгновение перенаправил его к животу, намереваясь распороть противнику брюхо.

Однако та самая аптечная мотыга непостижимым образом оказалась ровно на пути клинка. Опередив его удар, хотя и двигалась позже, она заставила его меч врезаться в неё так, будто он сам искал этой преграды.

Зрачки Дугу Ихе сузились до точек. Он вновь сменил технику, метнув клинок в шею сзади, но мотыга преследовала его как тень, неизменно оказываясь там, где он собирался нанести удар.

На лбу Дугу Ихе выступил пот.

На своем веку он повидал немало противников, но с подобной чертовщиной сталкивался впервые: враг не сделал ни единого атакующего движения, а он сам оказался полностью связан по рукам и ногам.

Какими бы стремительными ни были его выпады, какой бы разрушительной силой ни обладали его удары, пробить глухую оборону не удавалось.

Соперник оставался невозмутим и спокоен, а сам он уже тяжело дышал.

В этот момент Данчи легко щелкнул по его клинку. Дугу Ихе почувствовал, как в запястье ударила колоссальная волна чистой силы. Тело потеряло управление, он отлетел назад и рухнул на землю, ощутив во рту сладковатый вкус крови.

С трудом сглотив её, он испытал первобытный ужас.

Сверху донесся спокойный смешок.

— Это и есть ваш знак главы?

Дугу Ихе поднял голову, и его зрачки снова сузились.

Только сейчас до него дошло кое-что поразительное.

Стоявший перед ним человек не сдвинулся с места ни на дюйм — он по-прежнему выглядел точно так же, как в момент входа.

Он не сдвинулся, когда убивал Янь Тешаня, не сдвинулся и во время стычки с ним самим.

Парень так и стоял у входа, с легкой улыбкой глядя на него сверху вниз.

А на белом, похожее на нефрит древке мотыги висел какой-то темный предмет.

Это была деревянная бирка — чернёная, непритязательная на вид, старинная и грубоватая.

Дугу Ихе слишком хорошо знал эту вещицу: с тех самых пор, как он принял пост главы секты Эмэй, она неизменно находилась при нём.

Символ власти главы секты — Железнодорожный жетон.

Прижимая руку к груди, он поднялся на ноги, охваченный леденящим оцепенением.

— В твои годы — и уже такая чудовищная мощь внутренней энергии?! — не веря своим ушам, выдавил он.

— Внутренняя энергия? — Данчи легко усмехнулся, не собираясь вдаваться в объяснения.

Дугу Ихе посмотрел на жетон в чужих руках и мрачно предупредил:

— Заполучив эту вещь, ты всё равно ничего не добьешься.

Пока он не признан учеником секты Эмэй, никто из адептов не подчинится приказу чужака, даже с жетоном в руках.

— А я и не рвусь в главы, — покачав жетон, ответил Данчи. — Раз уж вы построили свою секту на Гора Эмей, там наверняка растет масса целебных трав, которые водятся только в тех краях.

Интересно, сколько травок я смогу выручить за этот кусочек дерева?

Лицо Дугу Ихе мгновенно переменилось.

Чужаку жетон главы секты действительно не принесет пользы, но если реликвия попадет в чужие руки, секта пойдет на всё, чтобы вернуть её любой ценой.

— Похоже, штука дорогая.

Заметив перемену в его лице, Данчи с довольным видом спрятал жетон.

— Пусть это послужит платой за твою сегодняшнюю дерзость.

Его великодушный тон заставил Дугу Ихе закипеть от злости еще сильнее.

Данчи бросил на него мимолетный взгляд:

— Тебе меня не одолеть, брось пустые попытки.

Сделав паузу, он вдруг смягчился лицом, обретя невероятно нежное выражение. Он повернул голову к выходу.

В его отрешенных глазах вспыхнули живые искры, в один миг смягчившись до предела.

Дугу Ихе проследил за его взглядом — в поле зрения появилась фигура в белых, словно снег, одеждах.

Данчи мгновенно забыл о Дугу Ихе. Он очутился рядом с белоснежным пришельцем так быстро, будто перенесся по воздуху, а его голос и манера говорить изменились в одно мгновение.

Не увидев Дугу Ихе всё собственными глазами, он ни за что бы не поверил, что этот человек и только что стоявший перед ним демон — одно и то же лицо.

— День без тебя — словно три осени. Чуйсюэ, ты скучал по мне?

Данчи придвинулся к Симень Чуйсюэ, отпуская шуточки, а его глаза сияли ярче звезд.

Симень Чуйсюэ холодно скользнул по нему взглядом и прошел мимо, словно пустое место.

Он повернулся и в упор уставился на Дугу Ихе.

— Дугу Ихе.

Зрачки Дугу Ихе сузились. Разглядев наряд юноши, он мгновенно вспомнил одно имя:

— Симень Чуйсюэ.

Симень Чуйсюэ слегка кивнул. Его глаза, устремленные на противника, сияли жгучим, нестерпимым блеском.

Дугу Ихе крепче сжал рукоять меча:

— Ты появился здесь специально ради меня?

Симень Чуйсюэ не сводил с него глаз:

— Жажду сразиться с тобой.

— Отлично! — Дугу Ихе вдруг раскатисто расхохотался, и его голос гулко раскатился по округе. — Среди восходящих звезд цзянху едва ли сыщется кто-то, кто в твои годы обладал бы подобным величием духа. Ты уже непобедим среди молодого поколения, неудивительно, что ты разыскал меня!

В глазах Симень Чуйсюэ в этот момент тоже промелькнула тень одиночества.

— Жаль, — тихо произнес он.

Среди сверстников в Цзянху почти не осталось тех, кто мог бы составить ему достойную конкуренцию. Пока он еще мог бросать вызов именитым мастерам прошлого, но когда он постарше и обретет еще большую силу, где ему искать противников?

Увидев это, Данчи улыбнулся и подал голос:

— Тоска одолевает тебя лишь потому, что ты видел здесь еще слишком мало людей.

В его глазах промелькнула сложная гамма чувств. Глядя на Симень Чуйсюэ, он сочетал в себе легкую грусть, сожаление, но также ностальгию и теплоту.

Эмоции погасли так же быстро, как вспыхнули. Сделав паузу, Данчи словно невзначай обронил:

— Есть одно место. Там полно людей с истинным талантом к искусству меча, и их мастерство ничуть не уступает твоему. Быть может, там ты не сможешь победить ни единого человека.

Глаза Симень Чуйсюэ резко вспыхнули.

— Где? — он впился в него жгучим взглядом.

Данчи выдержал этот горящий взор, сам глядя на него не менее пламенно:

— Стань моим партнёром по даосскому пути, и я буду каждый день приводить к тебе людей для поединков. Как тебе такое?

На его лице читалось живейшее ожидание, а в глазах плескался огонь, жарче прежнего.

Взгляд Симень Чуйсюэ постепенно холодел. Посмотрев на него пару мгновений, он молча повернулся к нему спиной.

Данчи: «.....»

Глядя на безжалостно отвернувшуюся спину, Данчи обиженно поджал губы.

Почему же даосский партнёр ему не верит?!

Неужели тот думает, что он не справится с этой шайкой заклинателей меча?!

Данчи был смертельно уязвлен.

Даже такой соблазн не сработал — до чего же трудно иметь дело с этим даосским партнёром!

Эх! Его партнёр и правда не похож ни на кого!

И всё же гордость вновь взыграла в груди Данчи.

Тем временем Дугу Ихе, наблюдавшая за ними сцена, перевел взгляд на Симень Чуйсюэ и жестко бросил:

— Тебе не стоит спешить с сожалениями, да и терзаться в будущем не придется. Потому что это твой последний день с мечом в руках.

Тебе больше не нужно ломать голову над тем, где отыскать достойного соперника — сегодня ты в последний раз осознанно смотришь на мир!

Симень Чуйсюэ оставил пустые словесные пикировки без ответа, поскольку волновали его совсем не те вещи, что Дугу Ихе.

Он лишь бросил короткое:

— Начнем!

Дугу Ихе уже собирался кивнуть, но вдруг что-то вспомнив, перевел взгляд на его спутника.

Заметив этот взгляд, Данчи с улыбкой отошел в сторону:

— Вы соревнуетесь с Чуйсюэ, я, разумеется, не стану вмешиваться.

Произнося это для Дугу Ихе, он продолжал не отрывать глаз от Симень Чуйсюэ — в его взоре таялась бесконечная, истомная нежность.

Но стоило ему перевести взгляд обратно на Дугу Ихе, как с его губ сорвались слова, от которых оба замерли в изумлении.

— К тому же, я знаю, что ты жаждешь мести. Если в этом поединке победишь ты, я покончу с собой. Идёт?

Симень Чуйсюэ нахмурился и резко посмотрел на него.

Данчи же лишь мягко улыбнулся в ответ:

— А если проиграешь ты — неизбежно умрёшь.

— Если ты погибнешь, мне самому незачем будет жить на этом свете.

Симень Чуйсюэ оттачивал меч убийцы, не оставляя пощады врагам и не оставляя путей к отступлению для себя самого. Если он не сможет убить соперника, умрет он сам.

— Ты падешь за своим мечом, а мы разделим участь супружеской пары в царстве мертвых. Сможем рассуждать о Пути меча прямо по дороге в Желтые Источники — разве это не прекрасный конец?

Данчи снова засиял улыбкой, будто речь шла не о жизни и смерти.

Симень Чуйсюэ бесстрастно смотрел на него, а затем холодно бросил:

— Это тебя не касается.

Данчи, словно не замечая отказа, лишь лучезарно улыбнулся:

— Чуйсюэ, теперь наши судьбы связаны накрепко.

С этими словами, о чем-то вспомнив, он расплылся в довольной улыбке.

Брови Симень Чуйсюэ сошлись на переносице.

Дугу Ихе в упор смотрел на них:

— Ты говоришь всерьёз?

Данчи повернулся к нему:

— Своих слов я никогда не беру назад.

Он добавил:

— Ты жаждешь мести, но тебе не одолеть меня. Если одолеешь его — убьешь двух зайцев разом.

Дугу Ихе умолк. Спустя долгое время он тяжело вздохнул:

— У меня нет к тебе личных счетов, но сокровища Династии Цзиньпэн ни в коем случае не должны достаться чужакам. К тому же, ты только что убил Янь Тешаня на моих глазах...

— Хватит пустых разговоров, — оборвал его Данчи и, взмахнув рукой, швырнул какой-то предмет. — Не говори потом, что мы были нечестны.

Поймав вещь, Дугу Ихе ошарашенно раскрыл ладонь.

Там лежала пиллюля.

Данчи редко снисходил до пояснений:

— Какими бы тяжелыми ни были раны, после неё всё заживет без следа.

Помолчав, он добавил:

— Повезло же тебе!

С этими словами он вновь повернулся к Симень Чуйсюэ и заискивающе заглянул ему в глаза:

— Чуйсюэ, как я всё устроил?

Симень Чуйсюэ посмотрел на него. Напряжение в его ауре чуть смягчилось, и он едва заметно, практически неуловимо кивнул.

После этого он перевел взгляд на Дугу Ихе и после короткой паузы холодно произнес:

— Я не знал, что ты ранен.

Дугу Ихе переводил взгляд с одного на другого и тоже хранил молчание. Промедлив мгновение, он единым движением проглотил пилюлю и закрыл глаза, настраивая дыхание. Когда он вновь открыл их, во взгляде читалась горькая смесь сожаления.

Глядя на Симень Чуйсюэ, он промолвил:

— Если у тебя будет шанс, ты зайдешь дальше меня.

В его голосе звучала сложная смесь чувств и тяжелый вздох:

— Пройди еще с десяток... нет, пожалуй, всего пару лет, и ты сможешь победить меня.

— Но сейчас пропасть между нами всё еще слишком велика. По правде говоря, теперь мне уже не хочется тебя убивать.

Еще до вступления в Эмэй он обладал глубочайшей внутренней энергией, а проведя в секте тридцать лет, накопил такую мощь, о которой Симень Чуйсюэ не мог и мечтать.

Позже он самостоятельно создал Семьдесят девять стилей двойного убийства клинком и мечом, превзойдя всех в постижении меча.

К тому же, некогда будучи генералом Династии Цзиньпэн, а затем главой Эмэй, он обладал на десятки лет большим опытом реальных схваток, чем Симень Чуйсюэ.

Симень Чуйсюэ лишь холодно обронил:

— Раз исцелился — обнажай меч!

<http://bllate.org/book/22050/2292938>